

Очередь за автографами была не очень длинной, человек двадцать. Аркадий Семенович прикинул, что за полчаса управится и часам к восьми вечера уже будет у Ваньки. И там они по-настоящему отпразднуют выход его книги. Ванька обещал приготовить кролика по-венски и какой-то особенный салат. Аркадий Семенович даже зажмурился от удовольствия! Как он и рассчитывал, книги подpisал за полчаса. Хозяйка книжного магазина, привлекательная брюнетка бальзаковского возраста, выпроводила читателей-покупателей, отпустила персонал, закрыла магазин и пригласила писателя в свой кабинет. Из чего Аркадий Семенович сделал вывод, что после фуршета будет ягода-малина! Они вдвоем распилили бутылку шампанского, закусили тортом. Писатель окинулся взглядом крутые бедра хозяйки магазина, затянутые в черную блестящую юбку, и подумал, что белье у нее должно быть тоже черное. Аркадий Семенович потянул женщину за руку и посадил себе на колени. Целуя брюнетку, он подумал, что не помнит, как ее зовут. Это не помешало писателю залезть правой рукой под ее блузку и пошарить там. Он с удовлетворением отметил, что белье у нее с кружевами, как он любит. Брюнетка сама расстегнула черную блузку и осталась в шикарном черном бюстгалтере, который едва сдерживал напитые, без капли силикона, груди. Аркадий Семенович вежливо согнал брюнетку со своих коленей, перевел ее в позицию «раком», заставив согнуться и лечь на стол лицом вниз. Расстегнул юбку. Она черной змеей скользнула с ног брюнетки на пол. Писатель провел руками по шелку прозрачных черных трусиков, взялся большими пальцами за резинку и рывком опустил трусики вниз, к коленям хозяйки кабинета. Ему открылась крутая загорелая попка, без признаков жира и целлюлита. Посредине этого великолепия призывающе алео розовое колечко ануса, подрагивающее в предвкушении предстоящего соития. Писатель нагнулся и понюхал попку. Она была чистенькой и пахла духами. Аркадий Семенович взял со стола салфетку, слегка протер анус и приник к нему губами. Женщина неслышно ахнула и подалась попкой навстречу языку писателя. Рабочий инструмент Аркадия Семеновича давно стоял колом, но писатель не спешил бросать его в бой. Его язык вылизал анус, проник внутрь, погулял там, выбрался наружу и пролез в нижнее отверстие. Нашел вздыбленный бугорок клитора и принялся обрабатывать его круговыми движениями. Женщина дрожала и постанывала. Ее гнездышко истекало соками, от запаха которых у писателя кружилась голова. «Пора вводить инструмент!», подумал он, «А то, неровен час, кончу в трусы, как мальчишка!». Аркадий Семенович оторвался от попки, быстро спустил брюки, надел презерватив на вздыбленный, внушительных размеров инструмент, и ввел его в предназначеннное тому место. Брюнетка взвыла во весь голос! Аркадий Семенович впился пальцами обеих рук в половинки ее попки и принялся трахать женщину, с силой вводя член и медленно его вытаскивая. Через пару минут, они одновременно пришли к финишу. Одевшись и допив шампанское, Аркадий Семенович вежливо отклонил предложение брюнетки продолжить праздник на ее квартире. Он сослался на усталость, поцеловал dame ручку, пообещал позвонить, и отбыл на такси к другу. *** -...Эх, Ванька, не ту профессию ты выбрал! – Аркадий Семенович отложил вилку и с удовольствием подобрал мякишом с тарелки остатки соуса. - Кролики по-венски тебе удаются лучше, чем «Зайцы в собственном соку». Это был намек на последнюю книгу Ивана Козлова, которая провалилась в продаже, причем с треском. -Интрига в «Зайце» есть, и сюжет

крепкий. Слепил бы чистый детектив, и дело в шляпе! Можно хоть в твердой, хоть в мягкой обложке издавать. Народ у нас такое чтиво любит. А ты в иронию ударился! – продолжал Аркадий Семенович. - Козлов, ты же писатель-историк, а не Дашка Гонцова и не Маринка Петрова. «Иронический детектив» - это бабская тематика, они там обосновались давно и надолго. Потому они тебя и схавали с твоим «Зайцем»! Такую волну критики организовали, мама не горюй! Аркадий кивнул на пачку газет на журнальном столике. Ванька махнул рукой: -Просто захотелось вдруг выбраться из преданий старины глубокой и написать что-нибудь эдакое... Ладно, давай лучше выпьем! Козлов разлил в рюмки остатки «Хеннеси». -За твою книгу, Аркаша! Аркадий Семенович и Козлов приятельствовали с журфака универа. Оба они были бабниками, случалось, даже отбивали друг у друга девчонок. Но их дружбе это не мешало. Их называли «Ильф и Петров», потому что писали они только вместе. На третьем курсе, друзья увлеклись древней российской историей и написали серьезную книжку о временах правления Екатерины II. С тех пор, у них вышло несколько десятков совместных книг по русской истории. Но в последнее время, они писали порознь. -Кстати, я тоже хочу сделать тебе замечание... – Козлов хитровато прищурился. -Хочешь отыграться за мою критику? – хмыкнул Аркадий. -Да нет, замечание серьезное. Твой новый роман «Барин» - книга о нравах елизаветинской эпохи. Ты такого там наворотил – волосы дыбом встают! Над сценой, когда жену и детей крепостного кузнеца отдают за карточные долги другому помещику, обрыдаться можно. Но почему в твоем романе совершенно нет сцен сексуального насилия барина над крестьянами? Аркашка, я тебя не узнаю. Мы оба прекрасно знаем, что тогда творили баре с крепостными девками. Ну, а что касается натуры, то тебе и выдумывать ничего не надо. Ты ведь у нас плейбой, мачо. Даже сейчас, когда тебе под шестьдесят, ты ни одной юбки не пропускаешь! Как же ты прошел мимо такой темы? -Тут ты неправ, Ванька. Были в романе такие сцены. Но когда я закончил книгу, дал ее почитать трем разным людям – умному интеллектуалу, слесарю-алкашу и dame легкого поведения. Так вот, все они, по своему, конечно, объяснили мне, что эти сцены лишние. И я с ними согласился. С такими сценами, роман понижается до уровня «хавки для пипла»... Аркадий не договорил. У него вдруг потемнело в глазах и закружилась голова. ...Очнулся Аркадий Семенович от боли в руке, словно его укусил огромный комар. Он открыл глаза и увидел человека в белом халате. -Что со мной? – слабым голосом спросил Аркадий Семенович. -Сердечко у вас прихватило, господин писатель! Завязывать надо с этим делом... – Врач весело щелкнул себя по горлу. Он собрал чемоданчик и вышел, сопровождаемый Козловым. В прихожей, Иван вручил ему книгу Аркадия Семеновича с автографом и сунул врачу в нагрудный карман халата тысячу рублей. Козлов закрыл дверь и вернулся в квартиру. -Ну, Аркаша, ты меня напугал! Как чувствуешь себя? -Голова кружится. А что со мной было? -Обморок с Вами случимшись, барин, - хотнул друг. -Однако, пить надо меньше. -Да, старею... Видать, отпили мы с тобой, Ванюшка! -Сплюнь! Обморок от того, что ты просто устал. В магазине, небось, тоже принял? -Бутылку шампанского распили с директрисой. Потом я ее трахнул, и к тебе поехал. -Ну, я же говорю - кобель! А директриса как, ничего? Познакомишь? -Да пожалуйста. Ей под полтинник, но фигура супер. А попка просто розанчик! -Полтинник?! – притворно ахнул Козлов. Засмеялся и подал другу таблетку и стакан с водой. - Ты уже на старушек переключился! -Что поделаешь, - вздохнул Аркадий Семенович. Проглотил таблетку и запил ее водой. -Молодые девки нынче жадные, все бы им деньги, да тряпки. Это тебе, брат Ванька, не бесплатные крепостные бабы! -Да... – мечтательно протянул Козлов. - Хорошо бы сейчас

войти в машину времени, и оказаться... Ну, хотя бы в твоем романе! Ты как, Аркаша, согласился бы слетать в имение описанного тобой барина? -Ну, если только в качестве самого барина, на худой конец, его гостя. А если вдруг окажешься крепостным?... Последние слова Аркадий Семенович произнес тихо, в полу值得一, сказывалось воздействие лекарства. -Ну, с нашими-то знаниями, Аркаша! Мы и крепостными не пропали бы.... Э, да ты уже спиши, брат. Ну, спи, спи! Иван заботливо поправил другу одеяло, выключил свет и вышел из комнаты.

Глава 2. Аркадий Семенович почувствовал укол в щиколотку. Он дернулся ногой и проснулся. Над его головой раскинулось огромное синее небо, в котором сияло солнце. Что-то снова укололо ногу, и еще, и еще. Аркадий Семенович вскочил и в ужасе стал стряхивать с себя огромных рыжих муравьев. Увидев совсем рядом тихую гладь озера, писатель бросился туда. Через минуту, он уже стоял по горло в теплой воде. По мере того, как стихала боль от укусов, приходило кошмарное осознание того, что он совершенно голый. Откуда-то сбоку послышались голоса. Аркадий Семенович вздрогнул, выскочил из воды и юркнул в прибрежные кусты. Из ельника вышли два мужика и девушка. Мужики были бородатые, в домотканых полотняных штанах с заплатками, и таких же рубахах. У обоих на ногах лапти. Девушка, лет двадцати, была в простом платье с вышитым на рукавах скромным орнаментом, на голове повязан белый платок. Люди выглядели так, как показывают крестьян в исторических фильмах. «Наверное, неподалеку кино снимают», подумал Аркадий Семенович. Мужики неспешно разоблачились и с уханьем кинулись в воду. Аркадий Семенович с удивлением отметил, что трусов на мужчинах нет. И бороды они не сняли, значит, растительность на лицах настоящая. Внимание писателя переключилось на девушку. Она сняла платье, под которым не оказалось ничего, даже трусики, и осторожно зашла в воду. Окунулась с головой, ойкнула, и поплыла саженками, смешно отфыркиваясь. Все это выглядело просто и естественно, как будто на дворе стоял век шестнадцатый, а эти люди и в самом деле были крепостными крестьянами. Девушка доплыла до середины озерка, развернулась и поплыла назад. Перед тем, как выйти из воды, она крикнула: -Васен, Митрий, давайтесь к берегу! А то скоро гости к барину нагрянут, а нас нетути! Мужики вылезли на берег, отряхнулись, но одеваться не стали. Тот, что постарше, весело подмигнул молодому, и отправился к тому месту, где разделась девушка. Та отжимала волосы, стоя спиной к приближающемуся мужику. Мужик подкрался к девушке и обхватил ее руками. Девушка ойкнула: -Митрий, не балуй! Неровен час, увидит кто. Запорют же обоих на конюшне! -Авось не увидят! – весело хохотнул мужик. Не раскрывая объятий, он потянул девушку к стоявшему рядом поваленному дереву, и пригнул ее. Девушка, видимо, была не против. Она уперлась руками в ствол дерева, и раздвинула ноги. Мужик одним движением вогнал девушке внушительных размеров член, и стал трахать ее, придерживая за волосы. Молодой парень подошел к сладкой парочке и наблюдал на соитии, улыбаясь и почесывая причинное место. Наконец, Митрий заухал, словно филин ночью, обмяк, и оторвался от девки: -Ох, и сладкая ты баба, Лизка! Недаром тебя барин в баню с собой берет! Не менять позы, Лизка повернула голову к мужикам: -Я-то сладкая, да ты кислый! Только разгорячилась, а ты уж и погас! Васен, давай уж залазь, коль Митрий сгорел так скоро! Васен засопел, взял рукой вздыбленный член, подлиннее, чем у Митрия, и засадил Лизке. Но, видимо, зрелище соития так разогрело Васена, что он быстро перегорел. Минуты не прошло, как Васен шумно выпустил воздух и вытащил опавший член. -Эх, вы! – презрительно сказала Лизка. – Вам не с бабами, а с хрюшками ипстися! Митрий хмыкнул и пошел к своей одежде. Васен смущенно передернулся

плечами, и зашагал вслед за старшим товарищем. Они быстро оделись и скрылись в ельнике. Девушка вошла в воду, ополоснулась и подошла к своей одежде. Неожиданно, деревце, за которое держался Аркадий Семенович, наклонилось под тяжестью его тела и заскрипело. Лизка вскрикнула от ужаса, подхватила одежду и бросилась бежать. Аркадий Семенович кинулся за ней. -Стой, Лизка! Стой, тебе говорят! Он догнал девку, схватил ее за косу и повалил на траву. -Отвечай, шалава, вы кто такие? -Барина Иван Петровича Разгуляева мы.. -Лизка дрожала от страха. -Митрий кучер барский, а Васен доезжачий... Не губите барин, пожалейте! Иван Петрович узнает - насмерть засечет! Пожалейте, все для вас сделаю!

Аркадий Семенович недоуменно покачал головой. По всему выходило, что он действительно каким-то образом попал в шестнадцатый век. Но с этим мы потом разберемся, подумал он, сейчас главное – добыть одежду. Аркадий Семенович оглядел ее ладное тело, и у него взыграло между ног. -Ладно, не дрожи! Не скажу я барину, но и ты должна будешь мне помочь. Лизка посмотрела туда, и усмехнулась. Аркадий Семенович хмыкнул: -Да не так помочь, дура! Хотя, и так тоже... Писатель опустился на корточки, раздвинул Лизке ноги, лег на девку и вставил свой инструмент. Трахая Лизку, Аркадий Семенович вдруг подумал, что впервые за много лет делает ЭТО без презерватива. Но если это действительно шестнадцатый век, то опасаться нечего. В ТЕ времена, таких гадостей, как спид, в российской глубинке не водилось. Аркадий Семенович засмеялся и кончил – бурно и обильно, как в молодости.

ГЛАВА 3. После секса, Аркадий Семенович расспросил девку поподробнее. Лизка, и мужики, с которыми она трахалась, были крепостными Ивана Тимофеевича Лескова, отставного армейского капитана. Барину за 70, но еще крепок умом и телом, хотя и пьет много. На расправу крут, кто провинился – сразу на конюшню и кнутом, а то и в бочку с крысами посадить может. Еще Лизка сказала, что барин в карты любит играть, соседние помещики к нему по пятницам в гости ездят. Аркадий Семенович про себя отметил, что барин азартен. А раз так, можно будет попробовать с Иваном Тимофеевичем сыграть в «три листика»...

Аркадий Семенович усмехнулся. Когда-то, в молодости, он подрался на танцах и угодил на 15 суток. В камере с ним сидел старый зэк, который научил его, как передергивать карты. После этого, Аркадий всегда выигрывал у друзей и случайных попутчиков в поездах. С опытными картежниками такие штуки не прошли бы, но вряд ли барин знает шулерские приемы. Если повезет, можно будет выиграть у помещика пару сотен рублей, которые писателю сейчас очень нужны! По словам Лизки, имение находится верстах в 30 от уездного города Валича. Аркадий Семенович хорошо знал историю этого города. В 16 веке, Валич являлся районным центром Костромского заволжья, там было много мельниц и пушнины. Тут же выстроилась легенда его появления здесь. Итак, потомственный дворянин... э-э, Аркадий Семенович Козлов (имя-отчество писатель решил оставить свои, а фамилию взял Ванькину, русскую, (своя-то на немецкую больше смахивает), долго жил за границей (а значит, подзабыл и обычаи, и даже русский язык, а что касается англичанского, так Аркадий Семенович свободно английским владеет). Мистер Козлов приехал из Англии для закупки зерна. Сегодня, он как раз направлялся из Валича к барину Лизки, у которого, как мистеру Козлову сказали, житницы полны отборным зерном.... Так он Лизке все о себе и рассказал. И еще добавил, что голый он потому, что по дороге у кореты сломалась ось, пришлось заехать в городишко... черт, забыл название...(Лизка тут же и подсказала: – Малин? – Ну, да, точно!). Пока карету чинили, сел в карты по маленькой, да нарвался на шулеров, обчистили, как липку. Хотел отыграться, поставил свою одежду, шитую золотом, но тоже проиграл. С горя напился, так

голого завезли сюда и выкинули. В таком виде в Валич возвращаться нельзя, засмеют. Вот незадача! -Есть тут у вас разбойники, Лизка? – спросил Аркадий Семенович. -Как не быть, пошаливают! – Лизка испуганно оглянулась и перекрестилась. – Давеча у соседа нашего, барина Егоркина, двух жеребцов племенных свели! -Хорошо бы изобразить, будто на меня напали разбойники. Ограбили, избили, да в кусты бросили. Как, Лизонька, поможешь купцу английскому? А уж я тебя опосля по-царски награжу. Денег дам на конфеты, да на ленты, и колечко золотое с камешком подарю. Только чтобы секрет держать крепко, никому ни слова! Английский купец пришелся Лизке по сердцу. К тому же, ей очень хотелось получить обещанные награды. Лизка все сделала так, как наказал ей Аркадий Семенович. Она сбежала в дом, тайком пошарила по барским кладовым и принесла старый каftан барина, его чулки и сапоги. Писатель хорошенъко вывозил одежду в дорожной пыли, надорвал в нескольких местах, измазал грязью лицо и волосы. Затем, по его указанию, Лизка слегка расцарапала ему ногтями шею, щеку и плечо, так, чтобы пошла кровь. Аркадий Семенович размазал кровь по лицу, испачкал ею одежду. Затем, Лизка отвела Аркадия Семеновича на дорогу, ведущую к усадьбе. Писатель лег на обочину, раскинул руки и принял обморочный вид. Лизка перекрестилась и помчалась к усадьбе с криками о помощи. ... *** Помещик Лесков принял живейшее участие в судьбе ограбленного разбойниками купца. «Англичанина» принесли в дом, умыли, перевязали и поместили в лучшую горницу. Иван Тимофеевич распорядился принести «англичанину» собственный новенький парадный каftан, и все прочее, необходимое человеку дворянского звания. Аркадий Семенович изображал раненого два дня. Наконец, он решил, что пора «поправляться». Писатель оделся в подаренный барином сюртук, надушился, и вышел в гостиную. Хозяин с улыбкой подошел к нему, поинтересовался самочувствием. Подозвал Лизку, приказал подать вишневой наливочки. Они с «англичанином» присели за столик и повели светскую беседу. После третьей рюмочки, хозяин поинтересовался, не желает ли гость в картишки, по маленькой. Аркадий Семенович охотно согласился, и предложил Ивану Тимофеевичу научить его «английской» игре, весьма веселой. Спустя четыре часа, хозяин проиграл гостю триста рублей, Лизку, двух гончих и мельнице. Иван Тимофеевич был зол, горячился, пил наливку стаканами, и проигрывал, проигрывал... К вечеру, хозяин подписал Аркадию Семеновичу закладную на имение. Ночью, Ивану Тимофеевичу стало плохо. Послали за доктором, но пока тот приехал, помещик скончался от апоплексического удара. Аркадий Семенович, в одночасье, стал хозяином имения и повелителем трех с лишком сотен крестьянских душ. Глава четвертая. Похороны помещика Лескова прошли тихо и незаметно, в присутствии попа, ближайших соседей, да уездного полицейского исправника. После поминок гости разъехались. Исправнику поставили в коляску две большие корзины с битой птицей, свежими яйцами и бочонок меда. Напоследок, Аркадий Семенович вручил исправнику три сотенные бумажки. Вернувшись в дом, Аркадий Семенович вызвал Лизку, Митрия, и Васена. -Ну-с, мужики, слушайте мою барскую милость. Отныне, Лизку величать по батюшке, с отчеством - Елизавета Петровна. Потому, как она будет моим... э-э, моей, домоправительницей. Ты, Митрий, грамоте учен, потому назначаю тебя главным над конюшней и мельницей. Ну, а ты, Васен, будешь моим личным лакеем. Лизка от счастья застыла столбом, разинув рот. Мужики повалились на колени, стали ловить руки барина, чтобы поцеловать. Но Аркадий Семенович прикрикнул на них: -Не люблю я этих нежностей! Служите хорошо, не воруйте, и я буду доволен. -Благодарим, барин-батюшка, век не забудем твоей милости! – проговорил с надрывом в

голосе Митрий. – Отслужим, как есть отслужим! -Ступайте теперь же к ключнику, - продолжал новый барин. - Пусть выдаст вам одежду из барских запасов. Я хочу, чтобы вы оба выглядели прилично. А ты, Лизавета Петровна, собери-ка дворню в зале. Писатель хорошо знал историю. Он помнил, как доведенные до отчаяния издевательствами помещиков, крепостные крестьяне поднимали бар на вилы и жгли имения. Поэтому, Аркадий Семенович решил управлять своим новым имением по принципу «кнут и пряник». Аркадий Семенович прошел в зал и уселся в кресло. Потягивая поданную Лизкой наливочку, писатель наблюдал, как собирается обслуга. -Значит, так, мужики..., – начал свою «tronную» речь новый помещик. – При старом барине было вам нелегко. Крут был на расправу покойничек. И разгами потчевал, и в бочки с крысами саживал, и огнем жег. Так? Люди молчали, не понимая, чего от них хочет барин. -Ну, вот ты, например, что скажешь? - Аркадий Семенович указал на стоявшего впереди мужика. Огромный бородатый детина помялся. -Конечно, всяко бывало... - смущенно произнес он. – На Покров, я дрова в горницу таскал, ну и на барскую наливочку... того... позарился. Так барин меня на конюшню и отправил. До сих пор зад чешется... Мужики хохотнули в бороды. Новый барин тоже улыбнулся. -Я вам так скажу, мужики... – голос нового барина окреп. -У меня тоже не забалуete! В бочки сажать не буду, но за провинности спрошу строго! А теперь слушайте приказ - завтра плотникам строить баню у реки, людскую, для тех, кто в дому работает. Мыться в бане каждый день, по вечерам. Бороды и головы расчесывать гребнями. Вшей бить, пока не выведите совсем. Одежду я вам прикажу выдавать казеннную, со сменным запасом. Бабам мыться два раза в день – утром, перед работой, и вечером. Кто будет в мытье отлынивать, тому по десять плетей! Всем понятно? Мужики испуганно закивали нечесанными головами. -Все, пошли прочь! ...Прошло две недели. Аркадий Семенович многое поменял в доме. Заставил все углы вымести, паутину снять, полы выскооблить. Ковры вычистили, клопов и тараканов вытравили. По ночам, писателя обслуживала Лизка. Дело свое она знала, так что новый барин был доволен. Сегодня с утра, Аркадий Семенович приказал Лизке собрать со всей деревни молодых девок, которые еще не были замужем, и не имели женихов. Когда девки собрались во дворе, Лизка объявила им, что барин желает лично выбрать себе прислугу. Тем, кому выпадет такая милость, будут жить, как в раю, на всем готовом, а родне избранниц барин пожалует по корове. Аркадий Семенович подошел к девкам, внимательно осмотрел их. Отобрал троих, остальных отпустил по домам. Избранницы стояли замерев, не смея смотреть на барина. Две девчонки лет по 16, беленькая и рыженькая, третья годков на три младше, но уже с округлостями, ишь как грудки под сарафанчиком топорщатся! Аркадий Семенович повернулся к Лизке: -Этих я при себе оставляю. Отведи в баню, пусть их помоют хорошенъко. Наряди во все новое, покорми, конфет с пряниками дай. И добавил тихо: -Вечером приведешь в спальню.

Домоправительница увела девок. Аркадий Семенович позвал Васена и вместе с ним отправился на конюшню. Новый барин завел такой порядок – ежедневно, поутру, принимал доклад Митрия о том, что вчера произошло в деревне, и лично наказывал провинившихся. В конюшне было чисто и прохладно. Конюх Иван, огромного роста детина, поставил барину кресло, принес небольшой столик. Васен раскрыл принесенный с собой поставец, достал графинчик, тарелку, вилку, нож. Нарезал сыр, налил в бокал наливочки. Барин потягивал из бокала прянную жидкость, закусывал сыром и слушал доклад Митрия. В сторонке, переминались с ноги на ногу «штрафники» - истопник и толстая баба-кухарка. Вина истопника была в том, что он вчера с утра залил зеньки, и когда кочергой шурудил в печи,

спяну сунул руку в огонь. От боли, руку отдернул, кочерга прихватила полена горящие, и они просыпались на пол. Огонь залили, но пол возле печи подгорел, и гари было много.

Кухаркина вина была не в меру тяжелей. Она варила узвар из груш, да вместо сахара сыпнула соли. -Митрий, прикажи кузнецу, пусть листов железных нарежет, да на полу перед печами прибьет. Опосля, сходи на пруд, проверь, как они там запруду строят. Я потом и сам туда приду. -А этого пьяницу, вместе с бабой на станок! – приказал Аркадий Семенович. - Я их выпорю, чтобы неповадно было на работе винице жрать и барина солью травить! Митрий поклонился и ушел. Конюх и Васен подвели дрожащих от страха истопника и кухарку к специально сколоченному станку. Руки-ноги провинившихся вставили в ременные петли и затянули. Затем, Васен стянул с истопника портки, а бабе задрали юбку. Барин поднялся, взял поданную Васеном плеть и подошел к станку. Каждый раз, перед экзекуцией, Аркадий Семенович испытывал возбуждение. Руки подрагивали, сердце начинало учащенно биться, в штанах загорался огонь. Он не спешил, примериваясь, с кого начать. Худой зад истопника ему не понравился. Иное дело задница кухарки, которая по форме напоминала распухшую квашню. Аркадий Семенович похлопал бабу по ляжке. Та вздрогнула и пискнула, словно мышь под сапогом. Конюх шумно втянул ноздрями воздух и облизнул губы. Взгляд его был прикован к огромной заднице. Аркадий Семенович усмехнулся: -Что, Ванька, нравиться жопа? Конюх кивнул, не отрывая взгляда от ляжек кухарки. Аркадию Семеновичу пришла в голову забавная мысль... -А ну-ка, Ванька, вставь ей по самые уши! Конюх полез в штаны и вытащил на свет божий огромный толстый хер, на конце которого торчала раздвоенная красная головка. Он поплевал на ладонь, намазал хер слюной, подошел к бабе, раздвинул ей задницу, и стал вставлять ей хер в очко. У бабы глаза полезли на лоб, она звякала во весь голос. Это еще больше раззадорило конюха. Он крякнул, поднатужился и всадил свой огромный член до упора. Аркадий Семенович подошел ближе, чтобы не пропустить ни одного момента. Он покрылся потом и весь дрожал мелкой дрожью, глядя, как конюх с размаха загоняет кухарке «по самые помидоры». Наконец, Иван последний раз всадил бабе, сжал огромными ручищами ее задницу и захрипел. Оторвался от кухарки, вытащил измазанный дермом член и на полусогнутых ногах потащился в угол, где стояла бочка с водой. Аркадий Семенович хотел сейчас только одного – засадить кому-нибудь и облегчиться. Он передал плеть Васену и вышел из конюшни. Навстречу шла смазливая девка с коромыслом. Завидев барина, девка испуганно ойкнула и остановилась. Аркадий Семенович знал от Лизки, что покойный помещик был весьма охоч до плотских утех. На ночь в постель по две девки клал, да и днем мог запросто завалить любую. Писатель подскочил к девке, отбросил коромысло в сторону и потащил девку в конюшню, из которой раздавались хлесткие удары плетки и вой наказуемых. При виде этой картины девка совершенно обалдела и не сопротивлялась. Аркадий Семенович швырнул ее на солому лицом вниз и задрали сарафан. Оголились красивые ноги, заканчивающиеся аппетитной попкой. Барин судорожно дернулся ремень штанов, вытащил звеневшее от возбуждения копье и засадил девке. Он кончил почти сразу, обмяк и затих, отдыхая. Девка под ним замерла, только дышала тяжело и часто. Наконец. Аркадий Семенович встал, оделся, и пересел в кресло. Васен подал ему наливочки. Барин выпил залпом, отдал бокал Васену. Посмотрел на девку, которая сидела растрепанная на соломе, не решаясь встать. -Как зовут? – спросил барин девку. -Ма... Маланья... – прошептала девка, косясь на страшный станок, на котором бездвижно лежали два голых, исполосанных плеткой тела. -Ты, вот что, Маланья... Пойди в усадьбу, найти Лизавету,

управительнице. Скажи, что я тебя беру в горничные. Девка вскочила, поклонилась барину и кинулась целовать ему руку. -Довольно, довольно, ступай! – буркнул барин. Девка выскочила из конюшни, и помчалась к усадьбе. Аркадий Семенович вернулся в усадьбу вечером. Завидев барина, вестовой слуга ударила в колокол. Из дома выскочила Лизка и поклонилась.

-Лизавета, девка приходила, как ее... Маланья, что ли? -Пришла, пришла, Аркадий Семенович! Я ее в обучение к Аленке отдала, она девка с понятием, быстро Малашку научит. Пожелаете ее в баньку позвать? -Нет, эту на завтра оставим. А сейчас пойдем, посмотрим, как там мои избранницы. Отмыли их? Домоправительница улыбнулась: -В семи водах мыли, семью полотенцами сушили! Чисто золото блестят, Аркадий Семенович! -Ну, пойдем. Новый барин полностью перестроил спальню. Старую кровать под балдахином, в которой гнездились полчища свирепых клопов, приказал сжечь. Ковры выкинули, стены заново побелили, полы паркетные отрали и натерли воском. Посредине спальни поставили огромную кровать, сделанную плотниками из мореного дуба, по чертежам, нарисованным самим Аркадием Семеновичем. На кровать положили войлочные одеяла, на которые каждый день стелили свежие простыни. Это был настоящий сексодром. Девки сидели на диванчике, тесно прижавшись друг к дружке. При виде барина испуганно вскочили, поклонились в ноги.

-Ну, чего дрожите? Небось, не съем я вас! – весело сказал Аркадий Семенович и погладил младшеньку по головке. – Как звать тебя, малявочка? -Анютка... -Годков тебе сколько?

-Тринадцать... -А вас как? -Дуня... – ответила беленькая. -Даша... – тихо сказала рыженькая.

-Ну, вот и познакомились. А теперь, разденьте меня! Девки несмело подошли, присели на корточки, стали стаскивать сапоги. Дальше наступил черед штанов. Девки замешкались, не зная, как приступиться. Аркадий Семенович усмехнулся, показал, где и как расстегнуть. Наконец, штаны и рубаха были сняты. Аркадий Семенович остался в трусах. Трусы он приказал пошить 20 пар, из тонкого батиста. Для 16-го века это была невидаль! Девки стояли пунцовыми, не смея поднять глаза. И только младшенькая удивленно помаргивала глазенками-вишенками, уставясь на невиданные подштанники. Лизка фыркнула и бросила девкам: -Ну, чего застыли столбами?! Быстро раздеваться! И, подавая пример, сама стала стягивать сарафан. Девки неуверенно стали расстегивать пуговки. Аркадий Семенович подошел к младшенькой, стал ей помогать. Когда его руки касались тела девочки, она вздрогивала и прикусывала губки. Когда девки, наконец, разделись догола, Лизка скомандовала: -А теперь, в кровать! Барину постелю греть! Девки обрадованно запрыгнули под одеяло. Младшенькая выскользнула из рук Аркадия Семеновича и тоже спряталась под одеяло. Все трое укрылись до самых глаз, и наблюдали за происходящим. Лизка зашла сзади барина, чтобы девкам не перекрывать картину, и медленно стянула с Аркадия Семеновича трусы. Сделать это ей удалось только со второй попытки, потому что трусы зацепились спереди. Наконец, трусы были сняты и взглядам присутствующих открылся восставшее, готовое к бою, копье. Аркадий Семенович весело хлопнул Лизку по крутой заднице: -А ну. кобылка, покажем новеньkim как надо в седле держаться! Лизка прикрикнула на девчонок:

-Всем смотреть! Потом вас объезжать будут! Лизка оперлась на невысокую спинку кровати, грациозно изогнулась и выставила круглую задницу навстречу стремительно несущемуся к ней всаднику с копьем наперевес. Спустя пару минут, устав от бешеноой гонки, Аркадий Семенович лег в постель рядом с Анюткой. Лизка подоткнула ему под голову подушки, подала вино и пряники. Аркадий Семенович отламывал маленькие кусочки пряника, брал их в губы и подносил кусочек к губам Анютки. Та брала своими губками пряник, за что получала

поцелуй. Аркадий Семенович дал ей запить пряник вином. Малышка порозовела, и на каждый поцелуй отвечала заливиштым смехом. Подкрепившись, Аркадий Семенович уложил Аньотку и прилег рядом. Стал поглаживать нежную кожу девочки, нашептывал ласковые слова. Когда его пальцы касались сосочеков, Аньотка ойкала тихонько и вздрагивала. Сосочки напряглись и вытарчивали маленькими столбиками. Аркадий Семенович приник губами к правому столбiku, потом к левому, одновременно поглаживая девочку между ног. Аньотку била крупная дрожь, она то крепко сдвигала ноги, зажимая руку Аркадия Семеновича, то отпускала ее, и тогда пальцы барина проникали в сокровенное место. Наконец, Аркадий Семенович решил, что девочка готова. Он привстал над ней, и руками раздвинул ноги, преодолевая легкое сопротивление. Приладил копье, и стал медленно вводить его. Аня вцепилась в руки Аркадия Семеновича, и дрожала всем телом. Наконец, копье уперлось в ожидаемую преграду. -Потерпи, милая, дальше легче пойдет! – мягко сказал Аркадий Семенович и одним ударом прорвал девственную плеву. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...